Влияние все больше распространявшейся литературы сентиментализма было связано с теми идеями, которыми она вдохновлялась. Как указывали исследователи, «эстетическим выражением антифеодальных сдвигов, происходивших в русской (так же, как и в западной,—*Н. К.)* общественно-литературной мысли, явились и ее сентименталистские устремления»,[94] так как «коренной догмат сентиментализма: все люди морально равны».[95] Но если человек оказывался велик своим чувством, а не богатством и чинами, то и чувство его должно быть не мелкое, а великое и благородное. Такое чувство и воспевают штюрмеры, Гете в «Вертере», Клопшток; такое чувство близко и понятно А. М. Кутузову и другим лучшим деятелям масонства. К ним вполне можно применить слова, сказанные Г. П. Макогоненко о русских писателях-просветителях: «Способность „уязвляться" страданиями человечества, уметь сострадать и действовать на благо людей и отечества... была объявлена главной чертой личности».[96] Эти патриотические и гражданские чувства во многом сближались иногда с высокими страстями, воспетыми классицизмом, хотя, разумеется, они имели совершенно иную основу — сенсуализм. Правильно указывая, что сентиментализм нельзя сводить к «жеманству», «прикрашиванию», «идеализму», некоторые исследователи считают сентименталистом Радищева.[97] Такое мнение, конечно, имеет серьезные основания. Но, к сожалению, оно часто ведет к несправедливой оценке творчества других писателей-сентименталистов, если к ним применяют мерку Радищева. Это относится и к литературным интересам многих масонов и особенно, конечно, к Карамзину. Если «чувство» у писателя не имеет такой боевой направленности и активной гражданственности, как у Радищева, это еще не значит, что оно сводится только к области узко-личной интимной жизни.

Это может подтвердить и сравнение с литературой немецкого сентиментализма, сравнение, может быть, слишком упрощенное, но зато достаточно яркое. Наиболее прогрессивное крыло немецкого сентиментализма («Sturm und Drang» во главе с гетевским «Вертером» и Клопшток) в какой-то мере противостоит более реакционному крылу, представленному «Знгвартом» Миллера и отчасти Софи Ларош.[98] Однако у Клопштока в образе Христа в «Мессиаде» проявился немецкий «пиетизм, бессилие, религия

[94] История русского романа, т. I, стр. 66.

[95] Л. В. Пумпянский. Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы, т. IV, ч. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 436.

[96] Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Гослитиздат, М.—Л., 1961, стр. 285.

[97] Л. И. Кулакова. О некоторых особенностях творческого метода А. Н. Радищева. — «Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена», т. 219, Л., 1961, стр. 3—21; П. А. Орлов. Радищев и сентиментализм.— «Ученые записки Рязанск. пед. инст.», т. XIII, 1956, стр. 60—87.

[98] Такова точка зрения М. Л. Тройской, разделяемая многими другими специалистами по немецкой литературе.